

ДОЛОГ СПИСОК атрибутов государства, попавших под руку (весьма тяжёлую) графа Льва Толстого. Армия, полиция, суд, церкви, министерства, поземельная собственность, монархия, образование, брак и т.д., включая привычки к мясному питанию и ношению обуви.

Даже через сто лет после кончины Льва Николаевича влекут на суд: в марте 2010 г. в Кировском суде г. Екатеринбург эксперт по экстремизму Павел Суслоннов обвинял Толстого "в подстрекательстве религиозной ненависти к православной церкви".

Даже имея родного праправнука в советниках президента страны, не просто Льву Николаевичу выполотать реабилитацию "внучицу".

В 2011 г., докладывая в Никитском клубе покойного С.П. Капицы, я провабал подойти к теме, указав на хронологию толстовских ниспровержений элементов государства.

Что первым из вышеперечисленного поало в "чёрный список" Толстого? Прокрутим "в обратную сторону" великую жизнь — и увидим в начале "толстовства" ту самую "солдатскую" песню "Как четвёртого числа нас нелёгка неслла" (1855 г.).

До "непротивления злу насилием" ещё десятки лет, в начале 1850-х военная служба — самое серьёзное из устремлений молодого Льва. Брошены Казанский университет, экзаменации на кандидата права в Петербурге, проиграны кучи денег. Служивший на Кавказе любимым брат Николай, памятный по учебникам литературы детской придумкой: поиском "зелёной палочки — счастья для всех людей", — позвал Льва. Весною 1851 г. приехав к брату, поступает на военную службу. Офицер Толстой служил на Кавказе два года, участвуя во многих "делах". Имел все права на Георгиевский крест. Не получив его, был огорчён.

В станице Старогладковской написал первые вещи. Памятник писателю и бравому воину Льву Толстому в Чечне окружён уважением; "школа его имени не прерывала своих занятий ни на день" (из письма Владимира Толстого, правнуку).

Началась Крымская война, храбрый и честолубивый офицер Лев Толстой переводится в Дунайскую армию, участвует в битве при Олытнице, осаде Силистрии. С ноября 1854 г. — в осаждённом Севастополе, на самом опасном 4-м бастионе командует батареей в сражении при Чёрной. Абсолютный ноль "толстовства"! Прославленный писатель (повести, присланные из Чечни, мгновенно напечатаны в "Современнике") — доблестный офицер... И вдруг — строки, известные уже пятишести поколениям:

*Гладко было на бумаге,
Да забыли про овраги —
А по ним ходить!*

Песня, выражаясь фигурально, "не совместима с продолжением военной службы". И сразу после штурма 27 августа Лев Толстой был отправлен в Петербург. Версии: а) опозоренные севастопольские начальники удалили; б) царь Николай, как и вся Россия, впечатлённый "Севастопольскими рассказами", приказал спасти, вызвать Толстого из Крыма.

Толстой особенно лелеял этот вариант: царь умер раньше публикации? — мог прочесть в рукописи!...

Ещё шесть-семь лет метаний — и засевавший в Ясной Поляне отставной севастопольский комбат поднимет плану философо-морально-эстетической критики войны... на высоту, потрясшую весь мир, за 160 лет так и непревыдождённую.

Приводят примеры вселенской значимости антимилитаризма Льва Толстого, влияния на сотни миллионов людей, мировых лидеров, начиная с Махатмы Ганди... не замечаая: в "антивоенном Льве Толстом" — два вектора.

Морально-философское неприятие, знаменитое начало третьего тома "Войны и мира": "...и началась война, то есть свершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие".

Второй вектор — испепеляющее интеллектуальное презрение к военному искусству, науке, штабам, военным планам, теориям.

Военный совет накануне Аустерлиа — просто апофеоз человеческой тупости. "Гениальный" план Вейротера предусматривал все движения до человека и пушки, гарантируя полную победу. Тянутся часы идиллической "военной литургии", генерал Ланжерон (француз на русской службе) замечает: "Планируемый результат изменится на прямо противоположный, если Наполеон выйдет к Праценским высотам". Австрийцы смотря на него, как на случайно икнувшего и продолжающий "Дерзость колонне марширени..." ("Первая колонна марширует" — выражение, ставшее в толстовском кругу символом самонадеянной тупости, тшцеты планирования вообще чего-либо).

Их наказание: быть побитыми ещё более гомерически, уже в самую мощь толстовского гения, расписанным ничтожеством, почти куклой (в смысле отсутствия человеческих черт) роботом-Наполеоном.

Здесь векторы соединяются: война — моральная гадость и поразительная тупость. Лето 1812 г., знаменитый "План Пфуля" — ничуть не лучше. И первый вибрирующий наступательный Тарутинский бой: то же самое торжество хаоса, ошибок, неисполненных (и неисполнимых) диспозиций.

А как именно Крымская война породила "толстовство" — отдельная тема...

Игорь ШУМЕЙКО

Окончание. Начало — в № 33

RES PUBLICA и RES FAMILIARIS

Целью создания или возникновения городов, полисов, Цицерон называет охрану и гарантию собственности, "чтобы каждый оставался владельцем того, что ему принадлежит".

Должен предостеречь от "модернизации" этих высказываний. Античное понятие "собственности" несопоставимо шире и глубже современного, в нем нет ничего социально-классового, а есть **семейное**: собственность, как то следует из множества текстов как юридических, так и неюридических, почти что тождественна самой семье.

Семья, FAMILIA — это и отец, PATER FAMILIAS, и его жена, и дети, и рабы, и все движимое и недвижимое имущество — все **семейное достояние**. Охрана и умножение семейного достояния — обязанность человека, а, напротив, расточительство, или же "свирепое обращение с рабами" осуждается и считается безумием. Такому человеку не разрешается управлять своим достоянием, ему назначаются попечители. Это зафиксировано еще в Законах XII таблиц, древнейшем своде Римского права.

Поэтому гарантия прав собственности вполне соответствует тем целям полиса, которые Аристотель формулирует как "благу жизни", а Платон — как "правду, справедливость".

Я сказал "семейное достояние". Это — более или менее точный перевод устойчивого латинского словосочетания "RES FAMILIARIS". Оно аналогично словосочетанию "RES PUBLICA" и составляет с ним неразрывную смысловую пару.

В системе ценностей античного полиса RES PUBLICA — много выше, чем RES FAMILIARIS. Поэтому свое семейное до-

пусть никто, — говорилось в эдикте, — да не помыслит это постановление излишне жестоким, ибо оно предотвращает возможность легко избежать наказания соблюдением *умеренности*".

Вот, в частности, и таким образом охраняет полис собственность своих граждан. Итак, происхождение полиса, его назначение и цели ясны.

ГРАЖДАНЕ

Если полис, или civitas — это сообщество граждан, или, по словам Аристотеля, полис — это совокупность, или полнота (ПΛΗΘΟΣ), граждан, то кто же они, эти *граждане*?

Не обязательно жители города, рассуждает Аристотель. Метеки и рабы живут в городе, но не граждане. Юноши, не достигшие совершеннолетия и потому не внесенные в списки граждан, или старцы, перешагнувшие предельный возраст — тоже. Напротив, и граждане могут оказаться за пределами города.

А гражданами, по словам Аристотеля, можно и следует называть тех, кто участвует в суде и народном собрании.

Как видно, само понятие гражданина не отделимо от *народного собрания*, т.е. от *демократии*.

Хотя античная политика знает различные формы правления, народное собрание есть во всех случаях. В нем осуществляется **прямое и непосредственное народоправство**. Свойственная поли-

Алексей БЕЛЯКОВ

Святой Равноапостольный император Рима Константин Великий (ок. 274—337 гг.)

стояние, res familiaris, гражданами с радостью ставится на службу rei publicae — **общему обществу**.

Известно ведь, что политическая деятельность связывалась с расхождением своих собственных средств на общественные нужды, многие общественные постройки возводились на свои средства.

Из великого множества примеров приведу один — как кажется, характерный.

Перикл, известный в истории Афин не только своей военной и политической, но также и строительно-деятельностью, был укорен Фундидам, что тратит слишком много общественных денег на постройки. Народное собрание согласилось с этим. "В таком случае, — сказал Перикл, — пусть эти издержки будут не на ваш счет, а на мой, но на зданиях я напишу свое имя. Народ, восхитенный его величием духа, или не желая уступить ему славу таких построек, закричал, чтобы он все издержки относил на общественный счет и тратил не жалая" (сообщение Плутарха).

Итак, люди за честь почитали сделать что-либо на свои средства для общего блага. Но и с другой стороны, защита того, что понималось под "RES FAMILIARIS", защита семейного достояния граждан, мыслилось как общее дело, входило в понятие "RES PUBLICA".

В частности, задача защиты прав собственности граждан выражалась в контроле за правильностью торговли, в контроле за ценами.

Такой контроль, подкрепляемый наказаниями, имел место всегда и во всех античных полисах. Но, пожалуй, самый замечательный юридический документ такого рода — эдикт Диоклетиана о ценах на товары, или, буквально, "о ценах продажных вещей", изданный в 301 г.

Эдикт устанавливал максимальные цены на все и всяческие товары, а также максимальные ставки платы наемникам. Он ограничивал даже размер гонораров врачам, архитекторам, адвокатам, что никогда не мыслилось как плата за их труд, но именно как *почетное вознаграждение* (honor — честь).

За превышение установленного максимума цен полагалась смертная казнь. "И

тике нового времени "система представительства" с ее "демократическими" выборами совершенно чужда античной политике, и в системе ее понятий это — **не демократия**.

В гражданстве есть градации: различались *родившиеся в гражданах*, граждане по рождению, и *сделанные гражданами* за какие-то заслуги перед городом. Политические и семейно-имущественные права последних были несколько урезаны, но зато их дети были уже родившимися в гражданстве.

Теперь понятия "гражданских прав" почему-то ассоциируются с какими-то "свободами", т.е. свободой что-то делать или не делать по своему усмотрению. От этого и "права" противопоставляются "обязанностям".

Но ведь то, что *право и правильно*, не терпит отклонений, не терпит "свободы". (Не случайно греческое слово ΚΑΝΩΝ означает не только "правило", но и "правило" — инструмент зодчего). И для классической политики полнота гражданских прав — это полнота гражданских обязанностей. Гражданин *имеет право*, т.е. гражданин *обязан* участвовать в политической жизни, в суде и в народном собрании, а народное собрание и войско, т.е. народное ополчение — одно и то же.

Метеки, жившие в Афинах иностранцы, не были гражданами, они не участвовали в суде и народном собрании, но и воевать они не ходили, а спокойно занимались своими ремеслами, торговали и богатели. Но в истории Афин бывали случаи, когда метекам предоставляли гражданство — именно для пополнения числа граждан, для пополнения войска.

Очень важным для классической политики является **наделение граждан землей**. Только гражданин имел право владеть землей, и право ею распоряжаться принадлежало всецело сообществу граждан, т.е. полису. И именно владение землей обеспечивало гражданам ту экономическую независимость, без которой невозможно гражданство.

Ведь быть гражданином — значит участвовать в общих делах и судить право, для чего гражданину совершенно необхо-

дима свобода и независимость от других людей. Почему не могут быть гражданами рабы? Только потому, что они *не свободны*, т.е. они не *свою волю творят*, а волю своего домовладыки, хозяина.

Не имея земли, человек не может от нее кормиться сам и вынужден будет наемиться. Но классическое правосознание сближает, почти отождествляет наемника и раба: по словам Цицерона, плата наемнику за его труд есть "вознаграждение за рабское состояние". И, главное, наявншсь, человек уже не свою волю творит, а своего нанимателя.

Вот почему владение землей и гражданство для классической политики неразделимы. Ромул наделил каждого римского гражданина двумя югерами земли (примерно полгектара). Это и обеспечивало "прожиточный минимум", экономическую самостоятельность и независимость граждан.

Кроме личных, семейных наделов существовал еще AGER PUBLICUS, общественное поле. Его участки сдавались в аренду гражданам, а арендная плата шла на попомение общественной казны.

В Риме AGER PUBLICUS существовал лишь до первого консулата Гая Юлия Цезаря, который последний его участок, Кампанское поле, разделил без жребия между двадцатью тысячами граждан, имеющих по трое и больше детей (мужского пола и взрослых, разумеется — достигших гражданского возраста). В других городах AGER PUBLICUS существовал и позднее.

СИМФОНИЯ

О терминах классической политики

Землю можно было получить в наследство от друзей, и тем увеличить свое семейное достояние.

Землю можно было купить, но надо оговориться, что для классического правосознания *некультурная земля*, т.е. земля не возделанная и невозделываемая, **не может быть объектом собственности**.

Предположим такой казус: Гай возделывает землю, ранее принадлежавшую Марку и по каким-то причинам им оставленную. Марк заявляет свое право на эту землю, и если Гай возделывает ее менее двух лет, то иск Марка удовлетворяется; если же 2 года и более, то земля остается в собственности Гая *по давности пользования* (RERUM USUCAPIO — приобретение вещи посредством пользования). В связи с этим купить или продать можно было только лишь возделанную и возделываемую землю — пашню, виноградник или т.п.

В силу тех или иных обстоятельств землю можно было утратить. Но чтобы граждане не утратили при этом и свою независимость, не стали наемниками, т.е. по существу — рабами, предпринимались известные хлебные раздачи, FRUMENTATIONES. Их начало в Риме связывается с трибунатом Гая Гракха в 123 г. до н.э.

Первоначально эти раздачи, фрументации, делались на общественные средства, а затем стали обязанностью Цесарей. Ибо защита сограждан — дело общее (опять-таки RES PUBLICA), а из своего собственного имущества послужить общей пользе — и обязанность, и дело чести.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Прежде чем говорить об известных классической политике формах политического устройства, сразу скажу, что мысль о том, что наилучшей формой является смешанная, соединяющая в себе основные простые, была ведущей в политической теории еще с Платона или даже раньше. А в политической практике основные, или "материнские", как их называл Платон, формы, строго говоря, и не встречались.

Основных или "материнских" форм политического устройства Платон выделял две: *монархия*, как олицетворение неумеренной власти, и *демократию*, как олицетворение неумеренной свободы. К этим двум Аристотель и, пожалуй, все другие античные писатели, добавляет третью, *олигархию*.

Как составная часть этих слов заметны два слова: APXH и KRATOS. APXH — "начало", соответственно, *монархия* — начальство одного, а *олигархия* — начальство *немногих*. Сложнее со словом KRATOS. Оно на наш язык традиционно переводится как "державка", и на этом переводе пока и остановимся. Тогда *демократия* — *народодержавие*.

Слову KRATOS, держава, традиционно соответствует латинское IMPERIUM. Привычно нам слово IMPERATOR можно точно перевести как "повелитель". IMPERIUM — это то, что делает человека повелителем, т.е. свойственная ему власть или способность повелевать.

В политических контекстах APXH и KRATOS или, что то же, IMPERIUM, можно считать синонимами. Начальник повелевает в силу своего начальства, а повелитель является начальником. Поэтому, например, монархия и монархия — одно и то же.

Вот в зависимости от того, кому присвоена *держава*, т.е. власть или способность повелевать, и различают основные, "материнские" формы политического устройства.

МОНАРХИЯ

Это обычно правление или начальство *царей*. (Оставим пока это слово без комментариев).

По-латински здесь употребляется слово REX. Хотя для римской политической мысли это слово имеет определенное отрицательный оттенок из-за соотнесения его с печально знаменитым Тарквинием Гордым, изначально в нем ничего плохого нет. Оно — то же корня, что и "ректор", "регулятор" и т.п., и может быть точно переведено как "правитель". Слово REX

обычно ставилось в соответствие с греческим TYPAHNOС, тиранн; именно так следует понимать высказывание Цицерона о Гаяе Юлии Цезаре, что он — *гех populi roman*, тиранн римского народа.

По-гречески Носитель единоначалия, царь — BACIAEYC.

Каковы его функции в полисе? Римская политическая мысль определяет их как AUSPICUM IMPERIUMQUE.

Первое, AUSPICUM — это "вещи божественные", RES DIVINAE. В компетенции вассилевса находятся культы, жречество, он от всего полиса, сообщества сограждан, приносит жертвы богам и т.д.

Второе, IMPERIUM — это слово мы уже обсуждали; поскольку это — власть повелевать людьми, постольку оно включает "вещи человеческие", RES HUMANAЕ. К последним относятся, во-первых, высшее начальство над войсками и, во-вторых, суд.

Эти три функции, сакральную военную и судебную, мы во всех случаях видим у вассилевса.

Монархия в полисе не отменяет существенно свойственной ему демократии. И в гомеровском эпосе (а все его герои — вассилевсы разных ахейских городов), и в различных античных описаниях политического устройства тех или иных городов, мы видим и вассилевса, и народное собрание.

Даже в Афинах после Солона, а это классический образец демократии, один из 12 выборных архонтов назывался вассилевсом и осуществлял верховное командование войском.

СИМФОНИЯ

О терминах классической политики

В Риме после изгнания седьмого после Ромула царя, Тарквиния Гордого, его обязанности были поделены. AUSPICUM, т.е. то, что касается вещей сакральных, было передано верховному жрецу, называвшемуся PONTIFEX MAXIMUS. IMPERIUM, т.е. то, что касается вещей человеческих, — двум высшим магистратам, *консулам*.

Свойственное римской политической традиции разделение вещей божественных и вещей человеческих сохранилось неизменно и в послеконстантиновское, христианское время. В Новелле I Юстиниана, где говорится о двух "великих пае инх" дарах Божиих, священничестве и царстве (по-гречески BACIAEIA), они разделяются: "ово убо Божественным служу, се же человеческими обладая и пекийся". Отсюда и вытекает естественно-гармоничное соотношение Церкви и Вассилевса в Новом Риме: соотношение, выражаемое словом CYM-FONIA, согласие, "согласие ньюе благо". При одном, правда, условии: что и те и другие "непорочны будут во всем" и потому "к Богу имут дерзновение".

Вернемся к римским высшим магистратам, консулам.

Я пока ведь ничего не говорил о магистратах, гражданах, исполняющих политические должности.

В классической политике магистратуры очень важны и почетны, но по отношению к народному собранию и другим фундаментальным полисным институтам — второстепенны. Задача магистратов — суд и поддержание законного порядка, как сказано, "не всеу мечь носит, в наказании убо злодеем, в похвалу же благотворцам".

Римские консулы выделяются из прочих магистратов тем, что осуществляют свойственное царям, вассилевсам, единоначалие, монархию.

Сделано это очень тонко: консулы назначаются на один год, их двое — с тем, чтобы один ничего не мог предпринять без *согласия* другого. Поэтому второй консул называется *кол-легой*, т.е. они оба говорят одно и между собой *со-власия*. Ликторы, вроде почетного караула, с фасками, связками прутьев, сопровождают консулов по очереди — месяц одного, месяц другого.

ОЛИГАРХИЯ

Это — начальство *немногих*. Эти немногие выбираются по-разному, и когда они — *лучшие*, APICTOI (или, по-латински, OPTIMI), олигархия называется *аристократией*.

Аристократия осуществляется обычно советом старейшин, герусией. В Спарте герусия была учреждена самим Ликургом — законодателем, благодаря которому Спарта приобрела на многие столетия высочайший авторитет повсюду. Герусия, 28 старейшин, стояла между вассилевсом и народом, как бы уравновешивая их. Ликург распорядился, чтобы в случае смерти одного из старейшин, на его место избирался один из наиболее уважаемых граждан, в возрасте не менее 60 лет от роду.

"В этом случае, по словам Плутарха, начиналось величайшее состязание в мире... Речь шла не о том, чтобы быть объявленным самым быстрым в беге из быстрых, или самым сильным из сильных, но *лучшим и умнейшим между лучшими и умнейшими людьми*".

Делалось это таким образом: народ собирался на площадь. (Она называлась АГОРА, или, по-латински — FORUM; площадь, на которой собирался народ, народное собрание, была, ясно, в каждом городе). Специально выбранные граждане забирались в соседнем с площадью доме так, что не могли видеть происходящее, а только слышать крики народа. Кандидаты по одному молча проходили через площадь, а народ приветствовал их криками. Запертые выборы должны были фиксировать лишь силу крика, не зная, к кому он относится. Тот, кому кричали сильнее, объявлялся избранным.

В Риме аристократия осуществлялась *сенатом* (по-латински SENEX — "старик"), в Афинах — ареопагом.

В период наибольшего расцвета демократии в Афинах, выборный совет (BOY/AN) отнесили ареопаг. Замечу, что хотя он и был выборным, и в этом смысле — функцией народного собрания, он все же не мыслился как выражение демократии, но

именно как олигархия. Само же правление и мыслилось, и было диархичным, оно осуществлялось равно демократией (т.е. народным собранием, народом) и олигархией (этим вот советом). Именно это и выражалось двойственной формулой политических постановлений "совет и народ решили...".

Совершенно аналогично и в Риме, форма правления выражалась двойственной формулой "сенат и народ римский...", SENATUS POPULUSQUE ROMANUS.

ДЕМОКРАТИЯ

Повторю, что в классической политике демократия выражается прямо и непосредственно в народном собрании. А потому современные политические режимы с их системой представительства, выборами и прочим, в терминах классической политики "демократиями" никак названы быть не могут.

Греческой политической теории свойственна мысль об извращении, вырождении или порче политического строя. Так, Платон считал, что олигархия естественно вырождение в демократию, а демократия — в тиранию.

Чтобы избежать такого вырождения, чтобы избежать тирании, люди, пользующиеся наибольшим влиянием в городе, или особой любовью сограждан и потому могущие стать тираниями — *изгонялись*.

В Афинах, например, бывовала практика так называемого "остракизма", суда на черепках. Граждане приносили в определенное место черепки с именем претендента на изгнание, и если их оказывалось больше определенного количества, осужденный таким судом изгонялся из города на 10 лет. И это делалось, по словам Плутарха, не как кара за какое-то преступление, а чтобы ограничить, усмирить излишнее могущество.

Аристид, прозванный всеми *справедливым*, был в 483 г. до н.э. подвергнут остракизму. Повстречавшийся ему и не знавший его в лицо неграмотный земледelec просил его написать на черепке имя Аристиды, и когда тот спросил, почему, чем Аристид его обидел, земледelec ответил, что ему надоело слышать всюду похвалы, расточаемые справедливости Аристиды.

Так устраивалась защита от закономерного вырождения демократии в тиранию.

ТИРАННИЯ

Это — тоже единоначалие, но имеет свои особенности. Если вассилевс, совет и народное собрание составляют некое *единство*, собственно, полис, то тиранн находится как бы *вне* полиса. Все полисные институты и законы при нем как будто остаются в силе, но действия тирана по отношению к ним вполне независимы и самостоятельны.

Важнейшим признаком тирании является наличие *личной охраны* тирана. В Афинах тирания знаменитого Писистрата с того и началась, что он, нанеся сам себе раны, явился в народное собрание и заявил, что на него совершенно было нападение, и потребовал себе личной охраны. Об Аристиде перед его остракизмом ходили слухи, что он упразднил суды и все дела решает сам, превратился в тирана, вот только личной охраной пока еще не обзавелся.

Второй, не менее важный признак тирании — что тиранн живет за счет граждан, за счет поборов с граждан.

И вассилевс, и все магистраты, и члены герусии или выборного совета — все они живут своим домом, своим хозяйством (вспомним: RES FAMILIARIS). И если нужно, они свои собственные средства вкладывают в общее дело, для общей пользы (вспомним: RES PUBLICA). Тиранн же берет с граждан дань, обычно — *десятину* от их доходов.

Писистрат часто прогуливался за городскими воротами и, наблюдая труды одного земледельца, "почудился его тшанино", и спросил, что он получает со своего поля. Тот, не зная Писистрата в лицо, ответил, что лишь беды и напасти, "и из моих оуб Писистрат емлет десятину!". За такой ответ Писистрат освободил земледельца от десятины. В самом деле, зачем ему десятина от того "бед и зоп"?!.

Как видно, тиран может быть и остроумным, и справедливым. И тирания не упраздняет полиса, а по упразднении тирании (как в тех же Афинах) нормы жизни полиса восстанавливаются.

ДЕСПОТИЯ

Классическая политика знает еще один термин. Правда, его содержание выходит уже за ее пределы. Я имею в виду *деспотию*. С точки зрения классической политики это — "варварский и наизуудий тип тирании".

ДЕСПОТНС значит "владыка, владыка" — примерно то же, что DOMINUS, что мы усвоились переводить как "домовладыка". В слове "деспотия" нет ничего плохого, когда речь идет о доме, о семье, ибо PATER FAMILIAS, отец семейства, и DOMINUS или ДЕСПОТНС — одно и то же: PATER FAMILIAS *владеет* своим домом, своим семейным достоянием.

Так вот, деспотия — это когда тиранн *владеет* полисом, т.е. когда все достояние полиса, как общее, так и семейное достояние граждан, является его *собственностью*. Как и всякая собственность, она может быть передана по наследству, разделена, продана частично или полностью, и т.д. Граждане тогда являются рабами такого тирана, владыки, и поскольку рабы не могут быть гражданами, а полис, город — это не стены, а люди, граждане, т.е. поскольку нет граждан, постольку нет уже и города, полиса.

Вот именно поэтому привычные теперь политические термины "государство", "власть" и т.п. к полису не применимы: они противны его естеству, его смыслу.

Я не оговорился. Слово "государь", как это можно прочесть в словарях, имеет в нашем языке значение "владыка, собственник, хозяин", а "власть" и "владение" — ясно, одно и то же. Поэтому центральный термин современной политики, *государство*, однозначно переводится на греческий язык словом ДЕСПОТЕΙΑ.

русского гангстера. Х